

бурной драматической патетикой и устремленностью к небу архитектурные ансамбли готических или барочных соборов.

Итак, начав «во здравие», мы, похоже, кончаем «за упокой» новой книги, ставшей поводом для настоящей рецензии. И в самом деле, трудно удержаться от мысли, что в настоящем своем виде разработанная Э.Л. Лаевской концепция исторического развития искусства древней Европы страдает определенной логической ущербностью и кажется недостаточно продуманной. Как и многие другие чересчур широкие генерализации, она не выдерживает серьезной критической проверки посредством «очной ставки» с историческими фактами. Быть может, наш вердикт не был бы столь суровым, если бы у автора хватило сил и настойчивости для того, чтобы продолжить работу над книгой, судя по некоторым признакам законченной еще где-то в 70-х годах., т.е. задолго до ее теперешнего выхода в свет². И все же нам трудно смириться с мыслью, что эта работа, столь богатая оригинальными, хотя нередко далеко не бесспорными идеями и наблюдениями, была проделана впустую и не несет в себе никакого позитивного содержания. При всей уязвимости лежащих в ее основе теоретических построений книга Лаевской имеет, на наш взгляд, большую познавательную ценность, которая заключается, в первую очередь, в блестящих, почти всегда глубоких и точных характеристиках как отдельных произведений и памятников, так и целых направлений и «школ» в искусстве доисторической Евразии и Африки. Пронизывающий всю книгу поэтический пафос в сочетании с живой образной речью и присущей автору удивительной способностью вживаться в используемый ею археологический материал, проникая мысленно и эмоционально в его скрытую от равнодушного наблюдателя глубочайшую суть, превращает многие ее страницы в источник подлинно эстетического наслаждения. Впрочем, и сами заблуждения автора, хотя и свидетельствуют о недостаточной научной корректности и взвешенности задуманного ею грандиозного интеллектуального эксперимента, все же, несомненно, будят читательскую мысль, подталкивая ее к новым напряженным поискам в уже намеченном в книге направлении.

Ю.В. Андреев

© 1998 г.

ATHENS, ADEN, ARIKAMEDU. Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean. Ed. M.-F. Boussac and J.-F. Salles. New Delhi, 1995; *Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean.* Ed. H.P. Ray and J.-F. Salles. New Delhi, 1996

Торговые и политические отношения между античным миром, Аравией и Индией остаются активно изучаемой проблемой в историографии международных отношений в древности. Продолжаются археологические раскопки и исследование письменных источников, касающихся индо-греческих и индо-римских отношений. Ж.-Ф. Салль уже предостерегал от переоценки чисто археологических данных при интерпретации истории международных отношений в регионе Персидского залива и Аравийского полуострова¹. Он показал, что применительно к Аравии археологический материал мало представлен, а интерпретация такого понятия, как «локальная археология», должна ассоциироваться не только с анализом керамики и других предметов материальной культуры, но и включать в себя, как минимум, исследования письменных источников и изучение этнической истории региона². Эти слова особенно примечательны тем, что сказаны они не просто историком, а крупным археологом, долгое время работавшим в регионе Персидского залива, а ныне возглавляющим Французскую археологическую миссию в Бангладеш. Кроме того, собственно письменные источники рисуют картину, в значительной степени отличную от той, что может сложиться на основании исследования археологического материала³. Рассматриваемые ниже сборники статей по

² Имеющиеся в примечаниях ссылки на литературу по большей части относятся к изданиям почти тридцатилетней давности.

¹ Салль Ж.-Ф. Еще раз о «горшках» и «народах»: Персидский залив в конце I тысячелетия до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 115–123.

² Там же. С. 116 сл.

³ Издание текстов см. Potts D.T. *The Arabian Gulf in Antiquity*, V. 2. Oxf., 1991; их анализ см. рец: Salles J.-F. *L'Arabie sans Alexandre* // Topoi. Orient-Occident. 1992. V. 2. P. 201–235.

указанному вопросу интересны не только содержанием составляющих их работ, но и тем, как они очерчивают нынешнее состояние проблемы. Первый из рецензируемых томов (далее – ААА) представляет собой сборник статей, написанный на основе докладов, прочитанных в конце 80-х – начале 90-х годов на семинарах по международным отношениям и переработанных с учетом новых данных. Это издание является своего рода продолжением коллективного труда «Рим и Индия. Древняя морская торговля», представленных на ежегодном заседании Американского археологического института в Сан-Антонио в декабре 1986 г.⁴ Второй том – это публикация докладов на Международном семинаре «Техническо-археологические перспективы мореплавания в Индийском океане в IV в. до н.э. – XV в. н.э.», состоявшемся в феврале-марте 1994 г. в Дели (далее – ТА).

Статьи обоих томов, с одной стороны, продолжают давно открытые дискуссии или указывают на необходимость пересмотра многих устоявшихся положений (в основном в ААА), с другой – представляют новый, в основном археологический и этнографический материал (в ТА). Что касается наиболее существенных моментов, определяющих лицо изданий в целом, то прежде всего бросается в глаза комплексный подход современных исследователей к рассмотрению международных отношений в огромном пространстве между Римом, Грецией, Аравией и Индией в древности: вниманию читателей представлены труды, посвященные анализу письменных источников (А. Босворт, Ж.-Ф. Салль, С. Муккенструм-Пуллер), лингвистике (М. Казевитц), археологии (Х.П. Рей, А. Черня, М. Кервран, В.В. Наумкин, А.В. Седов и др.), нумизматике (О. Бопераччи), этнографии (Л. Варадараджан, С. МакГрейл), искусствоведению (Ж. Делаш) и историографии (К. Картунен). Кроме того, авторы статей не замыкаются на каком-либо одном историческом периоде: в поле зрения исследователей попадает материал, датируемый как II тысячелетием до нашей эры (М. Казевитц), так и новым временем (Ж.-Ф. Салль). Достоинство рецензируемых томов также и в том, что составители привлекли к участию в этих изданиях исследователей из многих стран мира (Австралии, Бангладеш, Великобритании, Германии, Египта, Индии, Италии, Пакистана, Финляндии, Франции и, что особенно приятно, из России).

Сборник «Афины. Аден. Арикамеду» открывает статья К. Картунена «Graeco-Indica (2)» (р. 11–20) – своего рода библиографический ориентир по теме «Средиземноморье – Индия». Этой работой финский индолог продолжил начатую им ранее работу⁵, доведя свой обзор до 1992 г. Однако автор не учел некоторые работы, выпущенные в 80-е годы по этой теме⁶.

Среди давно дискутируемых вопросов можно отметить происхождение так называемых слов-путешественников в древнегреческом языке; некоторые из них, предположительно, имеют индийское происхождение. В статье «"Слова-путешественники" – из Индии в Грецию» (ААА, р. 21–26) М. Казевитц предложил свои соображения о возможности и путях миграции тех или иных лексических единиц. Если обратиться к периоду второй половины II – первой половины I тыс. до н.э., то К. Картунен, как представляется, убедительно показал, что вплоть до ахеменидской эпохи ни одна из теорий о миграции слов между Индией и западными регионами – Ближним Востоком, Восточным Средиземноморьем и Балканами – не может быть обоснована в достаточной степени прочно⁷. К сожалению, М. Казевитц не использовал в своей работе данных К. Картунена. Как и во многих более ранних работах, посвященных этому сюжету, Казевитц следует а priori принимаемому предположению о том, что новые слова, вошедшие в греческий язык до IV в. до н.э., привносились купцами, приплывавшими из Индии (например при анализе микенского *korijadana*). Получается, что эти контакты существовали, так как в язык вошли новые единицы, а другого источника заимствования, кроме Индии, автор не видит. Между тем для этого нет никаких данных письменных или археологических источников, и этот факт не позволяет говорить о наличии стабильно функционирующей системы сообщений между Индией и западными регионами в послехарраппское время до середины первой половины I тыс. до н.э.

А. Босворт в статье «Аристотель, Индия и историки Александра» (ААА, р. 27–44) вновь поднял вопрос о географических представлениях Александра Македонского и возможности влияния на него идей Аристотеля. Автор приходит к выводу, что Александр Македонский воспринял идеи Стагирита, однако оба они весьма смутно представляли себе реальное географическое положение Индии. Нужно заметить, что этот вывод уже давно признан в

⁴ Rome and India. The Ancient Sea Trade / Ed.V. Begley, D. De Puma. The University of Wisconsin Press, 1991 (см. рец.: Салль Ж.-Ф. // ВДИ. 1997. № 1. С. 228–232).

⁵ Karttunen K. Graeco-Indica – A Survey of Recent Work // Arctos. 1986. 20. P. 73–86.

⁶ Crossings. Early Mediterranean Contacts with the East / Ed. A. Tchernia, F. De Romanis. New Delhi, 1997. P. 12.

⁷ Karttunen K. India in Early Greek Literature. Helsinki, 1986. P. 19–22, 26.

историографии наиболее взвешенным. Обращаясь к давно обсуждаемому вопросу, имел ли Александр какие-нибудь сведения о Ганге, А. Босворт, отвергая положения У.У. Тарна⁸, присоединяется к давно уже утвердившемуся выводу: Александр не мог ничего не знать о Ганге⁹. Следует указать на топонимическую неточность в рассматриваемой статье: как полагает автор, Аристотель называет Гиндукуш Парнассом, передавая аккадское *Parura-essana* (р. 28), тогда как топоним «Парнасс» или «Паропан(мис)» происходит не от аккадского, но – иранского **para-upari. saēna* (страна рядом с Упарисаной), переданное в вавилонской и эламской версиях Бехистунской надписи¹⁰.

Статья О. Бопераччи «О так называемых самых ранних изображениях Ганеши» (ААА, р. 45–74) посвящена пересмотру ряда индо-греческих монет, отнесенных к прижизненным чеканам царя Гермая. Одна из них якобы содержит самое раннее изображение индийского божества Ганеши, что отражало, по мнению предложивших эту идею исследователей¹¹, местное влияние на развитие греческого монетного дела. Детальное рассмотрение не отдельных экземпляров, а целых серий монет последних индо-греческих царей привело автора ко вполне обоснованному с нумизматической и исторической точек зрения выводу, что монеты с портретом «слоноголового» божества изображают не Ганешу, а Зевса-Митру, увенчанного не хоботом, а обыкновенным носом, и что монеты эти относятся не к индо-греческой чеканке, а к подражательным сериям кочевников, занявших долину Кабула после смерти Гермая.

Индийский исследователь Х.П. Рей в статье «Присутствие яванов в Индии» (ААА, р. 75–95) поднимает один из основных вопросов, связанных с возникновением и развитием торгово-политических отношений Индии со Средиземноморским миром, – распространение и профессиональная деятельность греко-римских поселенцев в Индии. Он выделяет несколько регионов их концентрации и типов занятий. Так, по его мнению, обилие имен дарителей из Западного Декана в сравнении с фактом их отсутствия в Южной Индии объясняется прямым участием греков и римлян в торговых операциях на юге и их зависимостью от местных купцов в Западном Декане (р. 82–83). Развитие торговых отношений и необходимость решения связанных с этим процессом проблем, таких, как обмен информацией, решение «арбитражных» споров, кредитование торговых операций, возможно было лишь путем основания торговых диаспор, формирующих корпоративную идентичность и культурное единство среди своих членов (р. 85). Различным группам греко-римских поселенцев соответствуют и различные типы керамики, находимые в Западном Декане, на восточном и малабарском побережьях, Шри Ланке.

Влияние «яванов» в Индии определялось, по мнению Х.Р. Рея, двумя факторами – степенью эффективности и комплексности местных торговых путей и ролью местного монетного дела в торговых операциях. Торговля в Западном Декане в отличие от восточного побережья и южных регионов хорошо обеспечивалась местным чеканом (р. 86). Автор утверждает, что для обмена и использования в Индии специально отбирались монеты Августа и Тиберия, которые не отражали состояние монетной массы, циркулировавшей в самой Римской империи. Там, где имелась хорошо отлаженная местная монетная система, как в Западном Декане, римские монеты использовались как ценный металл на вес, а на юге и востоке римские монеты становились «валютой», определявшей состояние местной торговли. Из этого следует вывод: римские контакты с Индией были экстенсивными, а археология – плохой помощник в исследовании римских поселений в Индии (р. 91). Интересен постскрипtum к статье (р. 93–94). Последние исследования керамики, которую принято называть римской, показали, что в действительности большинство находок – подражательные копии местных мастеров. Химический состав монет подтверждает, что для торговли с Индией проводился их специальный отбор: так, в Индию при Траяне и Адриане отправлялось значительное количество республиканских динариев после их долгого циркулирования внутри империи. К схожему выводу пришел и такой авторитетный специалист в области нумизматики, как Д.У. МакДауэлл, в статье «Данные географических справочников о римских подделках» (ТА, р. 79–97)¹².

⁸ Tarn W.W. Alexander and Ganges // JHS. 1923. 43. P. 97–100; *idem*. The Greeks in Bactria and India. Cambr., 1938. P. 154.

⁹ Meyer E. Alexander und der Ganges // Klio. 1927. 21. S. 188; Kienast D. Alexander und der Ganges // Historia. 1965. 14. S. 185–188; Woodcock G. The Greeks in India. L., 1968. P. 30.

¹⁰ Bernard P. L'Aornos bactrien et l'Aornos indien. Philostrate et Taxila: Géographie, Mythe et Réalité // Topoi. Orient-Occident. 1996. 6/2. P. 476.

¹¹ Shah A.I. A Notable Numismatic Discovery // The Museums Journal. Organ of the Museums Association of Pakistan. 1955. August. P. 16 f.; Narain A.K. On the Earliest Ganeśa // Senart Paranavitana Commemorative Volume. Leiden, 1978. P. 142–144.

¹² См. также Tchernia A. Moussons et monnaies: les voies du commerce entre le monde gréco-romain et l'Inde // Annales HNS. 1995. № 5. P. 991–1009.

В статье «Пересмотр римских контактов с Востоком» (ААА, р. 97–114) Х.П. Рей призывает анализировать морские контакты античной цивилизации с Индией не изолированно, а в контексте сетей местного морского сообщения. Автор стремится пересмотреть устаревшее, с его точки зрения, мнение большинства исследователей, согласно которому трансокеанская крупномасштабная торговля была сосредоточена в руках западных купцов, а местным торговым общинам «доставалась» лишь прибрежная торговля сельскохозяйственными продуктами. Основанием для этого служат материалы, опровергающие постулат о недостаточной прочности и грузоподъемности индийских судов (см. ниже о статьях Л. Вараджараджан, П.И. Монтин, Ж. Делаш, С. МакГрейла, Е. Кентли), и данные иконографии и литературных источников о важности морского дела в распространении буддизма и джайнизма. Проблемой, требующей определенного пересмотра, является также и использование керамики в реконструкции связей Индии и античного мира: постоянный поиск «средиземноморского следа» в керамике, схожей с античной, и датировка древнейшими находками такого рода начала контактов между двумя цивилизациями. Техника изготовления наиболее ранних образцов из Арикамеда, конечно, могла быть заимствована, но сами изделия – явно местного происхождения, считает исследователь (р. 101). Наличие керамики может указывать не на «центр присутствия», а на «центр потребления» ее местным населением. А исследование распределения находок керамики по торговым центрам может дать материал лишь для обозначения внутренних торговых путей.

В статьях Ж.-Ф. Салля, крупного исследователя проблем взаимоотношений между Индией и западными регионами, опубликованных в обоих изданиях, на широкой источниковой основе ставятся как общие вопросы развития мореплавания в Индийском океане начиная с III тысячелетия до н.э., так и ряд частных вопросов, требующих более пристального внимания. Наиболее важны следующие выводы, сделанные французским историком в статье «Перипл Эритрейского моря» и Арабо-персидский залив» (ААА, р. 115–146): сам автор «Перипла» никогда не плавал по Персидскому заливу, информацию по этому региону он брал из вторых рук, поэтому она не всегда определена. Археологические данные свидетельствуют о том, что арабское побережье Персидского залива было густо заселено и его население было активно задействовано как во внутренней, так и в международной торговле; данные «Перипла» позволяют выявить трехчастный характер морского пути до берегов Индии, и каждая его часть находилась под контролем различных этнических групп. В распоряжении историка практически нет данных, которые позволили бы подтвердить предположение как о присутствии римлян в регионе Персидского залива к началу II в. н.э., так и о том, что этот регион играл активную роль в товарном обороте между Александрией и Индией.

Вопрос о необходимости полидисциплинарного подхода в изучении индо-римских связей был поставлен в рецензии на работы семинара «Рим и Индия. Древняя морская торговля» А. Черня «Рим и Индия. Только археология?» (ААА, р. 147–156). Поскольку наиболее значимые выводы для изучения контактов Запада с Индией были сделаны вне сферы археологии, автор справедливо еще раз обращает внимание исследователей на необходимость более тщательного прочтения письменных источников, определения связи результатов раскопок с текстами «Перипла», Страбона, Плиния, тамильских поэтических произведений. Кроме того, рецензент выделяет те кажущиеся общепризнанными археологами положения, которые требуют пересмотра: Индия была активно используемым рынком для греков и римлян, а как показывает А. Черня, рынок этот был очень узким, нацеленным только на удовлетворение нужд элиты. Автор настаивает на необходимости отделения индийской торговли от средиземноморской, считая, что регион Персидского залива находился под контролем местных «князьков», не допускавших «чужаков» до установления и поддержания отношений с Индией.

В работе С. Муккенструм-Пулла «Брахманы Палладия» (ААА, р. 157–166) поднимается вопрос об идентификации той философской системы, которая обозначена Палладием в описании индийских брахманов. В ней повторяются уже давно утвердившиеся в историографии положения о «неиндийском» содержании учения брахманов у Палладия, представленном с точки зрения христианина¹³, однако вряд ли можно вслед за автором статьи категорически утверждать, что Палладий, описывая брахманов, находился под влиянием только христианства и гностицизма. Действительно, некоторые идеи брахманов Палладия могут быть возведены к учению гностиков, но тогда с таким же успехом в их философию можно проследить отголоски систем киников, стоиков и эпикурейцев, от которых автор поспешил решительно отгородиться, не приведя, однако, для этого каких-либо аргументов (р. 164).

¹³ См., например: *Бонгард-Левин Г.М.* Палладий о брахманах и диспуте Александра // *Культурное наследие Востока.* М., 1985. С. 66–72.

Как кажется, данная постановка проблемы сама по себе устарела. До настоящего времени историография греко-римской традиции об Индии не располагает работами, где бы четко и определенно доказывалось, что сообщения античных авторов были сделаны под влиянием той или иной определенной философской традиции, а в образе «философов» или «гимнософистов» выведены последователи определенного собственно индийского философского учения. А попытки, по-прежнему предпринимающиеся в этом направлении¹⁴, выглядят все менее и менее удачными. Очевидно, следует переходить к вопросу не – «кто» и «что», а «почему», и на этом пути уже можно отметить некоторые сдвиги, например при анализе данных «Индики» Мегасфена¹⁵.

В статье Л. Вараджараджан «Индийское судостроение. Этнографические данные» (ААА, р. 167–192) обобщаются сведения этнологии о развитии мореплавания в Индийском океане. Автор утверждает (р. 178), что данные, собранные на восточном побережье Индии, в отличие от происходящих с западного, не подтверждают пока существование «великой традиции и мореходства». Продолжающиеся в настоящее время этнографические работы в Бенгалии, возможно, заполнят информационный вакуум по этой проблематике.

Новые этнографические и археологические данные по развитию индийского судостроения имеются в ряде статей ТА. Так, в статье «Южноазиатское судостроение в Индийском океане в I тысячелетии нашей эры» (ТА, р. 179–198) П.И. Монтин на основании археологических открытий реконструировал судостроительный процесс, утвердившийся в Юго-Восточной Азии. По мнению автора, в этом регионе существовала оригинальная, малоизученная судостроительная традиция. Происходил активный обмен информацией и производственными навыками между Китаем и Юго-Восточной Азией с одной стороны, Ближним Востоком и Индией – с другой. Материал по иконографии и этнографии «соединил» в своем исследовании по судостроению Ж. Делаш. В статье «Иконографические данные по строению лодок и судов в Индии во II в. до н.э. – XV в. н.э. Новый подход» (ТА, р. 199–204) он показывал, что древняя традиция судостроения жива и по сей день, а данные иконографии до сих пор не использовались в должной мере в исторических реконструкциях. Вопросы судостроения рассматриваются также в статьях С. МакГрейла «Изучение лодок со стянutoй обшивкой» (ТА, р. 225–239) и Е. Кентли «Шитые лодки индийского восточного побережья» (ТА, р. 247–261). В них представлены схемы развития лодок, чертежи, карты их распространения, анализ и перспективы изучения мореходства в Индийском океане.

О работе Российско-йеменской археологической экспедиции по исследованию острова Сокотра – важного перевалочного пункта на торговом пути из Средиземного моря в Индию – говорится в статье В.В. Наумкина и А.В. Седова «Памятники Сокотры» (ААА, р. 193–250). Авторы полагают, что результаты работ предшествующих экспедиций нельзя считать вполне удовлетворительными. Так, Т. Бент, П. Шинни и Д. Доу¹⁶ не обратили внимания на многие археологические памятники. Российские археологи представили результаты работ экспедиций пяти сезонов: 1983–1985, 1987 и 1989 гг. В научный оборот введены памятники материальной культуры самых ранних поселений, восходящие к неолитической технике производства, к «историческому» времени, а также средневековые (XV–XVI столетий) и христианские (жилища, погребения, керамика, орудия труда). Четкие планы и многочисленные иллюстрации прекрасно дополняют подробное описание исследованных объектов.

Значительная часть публикаций в ТА знакомит с новыми археологическими данными. Так, А.В. Седов в статье «Кана (Йемен) и Индийский океан. Археологические свидетельства» (р. 11–36) публикует результаты раскопок на южном побережье Аравийского полуострова. Кана – порт, описанный в «Перипле Эритрейского моря». Недавние раскопки дали возможность идентифицировать его развалины, выявить этапы развития его торговой активности, этнорелигиозный состав населения в разные эпохи. Наибольшего процветания Кана достигла во II–VI вв. н.э.

М. Керван в статье «Индийская керамика в Южном Иране и Восточная Аравия. Состав, классификация и хронология» (ТА, р. 38–58) анализирует индийскую керамику, найденную в ходе археологических работ на южном побережье Персидского залива. Она приводит классификацию находок на городище Сухар в Восточной Аравии от первых веков нашей эры

¹⁴ *Le Valey P.* What Did the Gymnosophists Believe? // *Yavanika*. 1992. № 2. P. 61–84.

¹⁵ *Zambrini A.* Gli Indika di Megasthene // *ASNP*. 1982. Ser. 3. V. 12. 1. P. 71–149; *idem* Cli Indika de Megasthene II // *ASNP*. 1985. Ser. 3. V. 15. 3. P. 781–853; *idem*. A proposito degli Indika di Arriano // *ASNP*. 1987. Ser. 3. V. 17. 1. P. 139–154.

¹⁶ *Bent Th.* Southern Arabia. L., 1900; *Shinnie P.L.* Socotra // *Antiquity*. 1960. 34. P. 100–110; *Doe D.B.* Socotra. An Archaeological Reconnaissance in 1967. Miami, 1970; *idem*. Socotra. Island of Tranquillity. L., 1992.

до XVII в. Автор установила, что красная полированная керамика, характерная для первых веков контактов, производилась в Гуджарате, средневековая же – в дельте Инда. Анализ керамики каждого периода городища Сухар сопровождается подробными прорисовками.

Хотя находки античного материала на Шри Ланке еще не проанализированы в комплексе, а монетное дело и исследование многочисленных гаваней остается слабым местом в античной археологии на острове, О. Бопераччи в статье «Мореплавание в Индийском океане. Археологические данные из Шри Ланки» (ТА, р. 59–77) на основании уже имеющейся информации и своих предварительных нумизматических анализов приходит к следующим выводам: до Птолемея все античные авторы черпали информацию о Шри Ланке из вторых рук, и нет никаких оснований полагать, что в первые три века нашей эры римские торговцы имели прямые контакты с Шри Ланкой. Климатические условия навигации заставляли римлян стремиться как можно быстрее покинуть с ноябрьским муссоном юг Индии, где и происходил товарообмен между римлянами и местными купцами. Лишь в IV–V вв. н.э. Шри Ланка становится главным центром прямой морской торговли в Индийском океане.

Обзору климатических и физико-географических условий, определявших развитие мореплавания тамиллов в первые века нашей эры, и анализу последних археологических находок посвящена статья К. Раджана «Ранняя морская деятельность тамиллов» (ТА, р. 97–108). Находки средневековой китайской керамики с юга Индии опубликовал И. Суббараялу в статье «Китайская керамика побережья Тамилнаду и Кералы» (ТА, р. 109–114). Археологическая карта бенгальского побережья в древности и раннем средневековье предложена Г. Сентуптой в статье «Археология прибрежного Бенгала» (ТА, р. 115–128).

Я. Гловер в статье «Последние археологические данные по морским контактам между Индией и Юго-Восточной Азией» (ТА, р. 128–158) описывает находки, сделанные в Таиланде, Малазии, Индонезии и Вьетнаме, – монеты, печати, ювелирные украшения, изделия из металла, керамику. Изучение находок, политической истории региона, памятников архитектуры приводит автора к выводу, что процесс «индианизации» Юго-Восточной Азии начался еще в IV в. до н.э. Высокую активность в этом процессе проявляли буддийские миссионеры, а регион между Юго-Восточной Азией, Китаем и Индией объединяла хорошо отлаженная торговая система.

В статье «Средневековые торговые системы в западной части Индийского океана. Некоторые соображения по распространению китайского импорта в исламском мире» (ТА, р. 159–180) А. Ружель исследует морскую торговлю в обозначенном регионе в VIII–XIV вв. н.э. По ее мнению, в VIII–X вв. торговые пути находились в руках купцов побережья Персидского залива, чья активность простиралась до Красного моря и Восточной Африки. Около 1000 г. рынки района Красного моря попали в руки местных правителей, но для вытесненных купцов открылся доступ на китайские и индийские рынки, о чем свидетельствует изучение керамики. Вплоть до прихода португальцев в XVI в. активность торговцев с берегов Персидского залива непрерывно увеличивалась в Восточной Африке и Индийском океане.

З. Купер в статье «Археологические данные о морских контактах. Андаманские острова» (ТА, р. 239–245) заполняет «белое пятно» на историко-географической карте древности. Население Андаманских островов – смешанного этнического происхождения. Изучение археологического материала показывает, сколь легко они усваивали идеи и навыки своих соседей. Эти обстоятельства делают андаманцев источником возможных открытий в изучении мореплавания в Индийском океане.

Две статьи ТА посвящены навигационной практике. П. Аруначалам в статье «Традиционные знания индийских моряков о море и небе и их практическое приложение» (р. 261–281) рассматривает в комплексе все основные методы ориентации в открытом море. Статья С.К. Фатими «История развития камала» (р. 283–292) представляет собой исследование о камале – приборе, использовавшемся в древности для определения высоты небесных тел, а со временем усовершенствованном в современный секстант.

В статье «Эллинистическое мореплавание в Индийском океане. Перспектива из Аравии» (ТА, р. 293–311) Ж.-Ф. Салль удачно использует такой вид исторического источника, как записи путешественников нового времени по рассматриваемому региону. Справедливо полагая, что прямые параллели между описанием морских путей в сочинениях античных авторов и нового времени неуместны, исследователь все же находит ряд деталей, говорящих о схожести метеорологических условий мореплавания в Индийском океане в столь отдаленные друг от друга эпохи. Представив детальный анализ всех видов источников по проблеме, Ж.-Ф. Салль приходит к следующему выводу: в IV–II вв. до н.э. регион Персидского залива был активно вовлечен в торговые отношения с Индией, со второй половины II в. до н.э., после того как Вавилон был взят парфянами, в торговых отношениях между этими регионами произошли

значительные изменения: торговые пути перешли под власть местных князьков, номинальных вассалов парфян, а фактически независимых, что не могло не сказаться на падении интенсивности отношений. Исходя из имеющихся археологических данных нельзя сказать ничего определенного о степени интегрированности Южной Аравии в эллинистическую торговлю с Индией. И лишь в конце I в. н.э. купцы из римского Египта, наконец, сумели установить свой контроль над торговлей в регионе, но их торговые пути к западному побережью Индии прокладывались через открытое море, без заходов в прибрежные гавани (р. 299–305). Эти выводы подкрепляют ранее уже высказанное французским исследователем предположение, что несмотря на недостаточное количество археологических материалов для ахеменидского и эллинистического времени, нельзя ставить вопрос о замыкании региона на самом себе и отсутствии налаженной системы международных, в том числе и торговых, отношений с соседними регионами¹⁷.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что рецензируемые тома представляют собой ценный вклад в разработку исторической географии, истории торговых и политических отношений между Индией, Аравией, Грецией, Римом и Восточным Средиземноморьем. В научный оборот введено большое количество нового материала (в том числе археологического), показано, что ряд историографических стереотипов нуждается в пересмотре, намечаются перспективы исследований и усовершенствования методологии их проведения. Необходимо отметить высокий научный и полиграфический уровень представленных изданий. Они рисуют целостную картину развития системы межрегиональных отношений в регионе от Рима до Индии в значительном временном промежутке и на широкой источниковой основе.

М.Д. Бухарин

---

¹⁷ Салль. Еще раз о «горшках»... С. 123.